

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Гуманитарно-педагогический институт

(наименование института полностью)

Кафедра «Русский язык, литература и лингвокриминалистика»

(наименование)

45.03.01 Филология

(код и наименование направления подготовки / специальности)

Отечественная филология (русский язык, литература и лингвокриминалистика)

(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА)

на тему «Лексические и лингвопрагматические средства выражения иронии
в творчестве И. Губермана»

Студент

К.А. Гортова

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

доктор педагогических наук, профессор Л.А. Сомова

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Тольятти 2022

Аннотация

Бакалаврская работа посвящена изучению лексических и лингвопрагматических средств выражения иронии в творчестве Игоря Губермана (на материале произведений в жанре гариков). Тексты были изучены в лексическом и лингвопрагматическом аспекте.

В задачи исследования также входило уточнение понятий «ирония» и «лингвопрагматика» в свете различных научных точек зрения; определение специфики иронии как лингвистической категории и как средства речевого воздействия; осмысление особенностей функционирования изобразительно-выразительных средств в поэтических текстах И. Губермана; определение лингвопрагматических особенностей иронического высказывания в лирике И. Губермана; анализ примеров, иллюстрирующих иллокутивный потенциал иронических стихотворных высказываний И. Губермана.

Исходя из поставленных задач, в научной работе были рассмотрены лингвопрагматические исследования; последовательно обобщены точки зрения на определение понятия иронии; лексический подход к анализу поэтических текстов позволил изучить специфику иронического пафоса литературных произведений И. Губермана, а также определить изобразительно-выразительные средства создания иронии в текстах; лингвопрагматический подход позволил рассмотреть определение иронии как средства речевого воздействия и выявить иллокутивные особенности иронических текстов; анализ поэтических текстов И. Губермана с точки зрения лингвопрагматики установил особенности речевого поведения автора.

Бакалаврская работа состоит из введения, двух глав, заключения и списка используемой литературы.

Основные результаты исследования состоят в том, что были доказаны следующие положения:

1. С помощью различных лексических и лингвопрагматических средств И. Губерман оказывает эмоциональное и интеллектуальное воздействие на

читателя посредством иронического образного представления вторичной действительности.

2. В текстах И. Губермана присутствуют: реальный адресат, гипотетический адресат, обобщенный прогнозируемый адресат, персональный (единичный, конкретный) адресат, а также косвенный адресат. Все виды адресации требуют от читателя понимания кода иронии.

3. Контрастный языковой мир И. Губермана воплощается посредством гротеска, оксюморона, олицетворения, метафоры, антитезы, аллюзии, аллитерации, градации, инверсии и параллелизма; поэт прибегает к широкому ряду художественно-выразительных средств, которые часто объединены иронической интонацией.

4. Иронический тип общения для Губермана – наиболее подходящее средство решения коммуникативных задач. Автор обращается к иронии, чтобы привлечь внимание читателя неоднозначностью трактовки явлений жизни. При помощи иронии он не только избегает банальных суждений, но и демонстрирует гибкость мышления, а также сокращает коммуникативную дистанцию между адресантом и адресатом. Используя репрезентативы, комиссивы, директивы автор прячет свое речевое намерение за ироническим пафосом, чтобы привлечь читателя к разгадке стихотворных миниатюр, заставить его думать и сопоставлять прямой и переносный смысл высказывания.

Результаты данной научной работы были апробированы на внеклассном мероприятии (5 класс) во время прохождения педагогической практики в Муниципальном бюджетном общеобразовательном учреждении городского округа Тольятти «Школа № 18 имени Ф.М. Колыбова», а также представлены в докладах, прочитанных на научных конференциях «Студенческие Дни науки ТГУ» (апрель 2020), Всероссийская студенческая научно-практическая междисциплинарная конференция «Молодежь. Наука. Общество» (декабрь 2021), «Студенческие Дни науки ТГУ» (апрель 2022).

По материалам исследования опубликованы три статьи.

Оглавление

Введение.....	5
Глава 1 Ирония в художественном тексте: лингвистический аспект.....	9
1.1 Ирония как лингвистическая категория. Классификация видов иронии	9
1.2 Иронический пафос литературных произведений И. Губермана	13
1.3 Изобразительно-выразительные средства создания иронического подтекста в сборнике И. Губермана «Иерусалимские гарики» (тропы и фигуры)	16
Глава 2 Лингвопрагматические особенности иронических высказываний в лирике И. Губермана.....	25
2.1 Ирония как средство речевого воздействия на адресата	25
2.2 Лингвопрагматический анализ иронических гариков И. Губермана.....	30
2.3 Иллокутивный потенциал иронических стихотворных высказываний И. Губермана в жанре гариков	35
Заключение	41
Список используемой литературы и используемых источников.....	44
Приложение А Сценарий проведенного тематического внеклассного мероприятия.....	49

Введение

Сохраняющий свою актуальность повышенный исследовательский интерес к феномену иронии указывает на многомерность и сложность механизмов, которые составляют основу иронического высказывания, а также на специфический характер интерпретации, направленной на восприятие и распознавание иронии. Существующие научные концепции не дают полного понимания природы иронии с точки зрения лингвопрагматики, что относится по большей части одному из самых сложных объектов изучения – художественному тексту. Основную сферу исследования представляет установление набора сигналов, выделяющих ироническую интенциональность.

Лингвопрагматический подход эффективен в плане выделения параметров феномена иронии, выраженного эксплицитно или имплицитно в тексте, дискурсе. Различные случаи иронии приобретают четкую характеристику и возможность моделирования. Феномен иронии обладает значимыми особенностями в художественном тексте, в котором создается другой мир, отличный от реального. Иронические высказывания обладают особым свойством референтности, которое также отражает особенности мировосприятия писателя. Обозначенный аспект исследования обозначил **актуальность** темы выпускной квалификационной работы. Основную сферу исследования, на наш взгляд, представляет установление набора сигналов, выделяющих ироническую интенциональность стихотворного текста. Все это и определило предмет и объект исследования.

Объектом исследования являются языковые особенности функционирования иронии в текстах поэтических произведений.

Предмет исследования составили лексические и лингвопрагматические аспекты реализации иронии в поэтических миниатюрах современного русского поэта И. Губермана.

Материал исследования составили тексты поэтических произведений И. Губермана.

Цель выпускной квалификационной работы состоит в выявлении лексических и лингвопрагматических средств выражения иронии в поэзии И. Губермана.

Для достижения поставленной цели необходимо было решить следующие **задачи**:

1) определить теоретическую базу исследования, обобщить имеющиеся точки зрения ученых о значении иронии в художественном тексте; рассмотреть понятие иронии как средства речевого воздействия;

2) определить лексические средства воплощения иронии в лирике И. Губермана;

3) выявить лингвопрагматические особенности иронии в творчестве И. Губермана;

4) рассмотреть иронию как следствие реализации языковой игры, обусловленной авторской интенциональностью художественного текста в произведениях И. Губермана.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. С помощью различных лексических и лингвопрагматических средств И. Губерман оказывает эмоциональное и интеллектуальное воздействие на читателя посредством иронического образного представления вторичной действительности.

2. В текстах И. Губермана присутствуют: реальный адресат, гипотетический адресат, обобщенный прогнозируемый адресат, персональный (единичный, конкретный) адресат, а также косвенный адресат. Все виды адресации требуют от читателя понимания кода иронии.

3. Контрастный языковой мир И. Губермана воплощается посредством гротеска, оксюморона, олицетворения, метафоры, антитезы, аллюзии, аллитерации, градации, инверсии и параллелизма; поэт прибегает к

широкому ряду художественно-выразительных средств, которые часто объединены иронической интонацией.

4. Иронический тип общения для И. Губермана – наиболее подходящее средство решения коммуникативных задач. Автор обращается к иронии, чтобы привлечь внимание читателя неоднозначностью трактовки. При помощи иронии он не только избегает банальных суждений, но и демонстрирует гибкость мышления, а также сокращает коммуникативную дистанцию между адресантом и адресатом. Используя репрезентативы, комиссивы, директивы автор прячет свое речевое намерение за ироническим пафосом.

Методы исследования. В настоящем исследовании использовались такие методы, как метод сплошной выборки (использован в целях выявления иронии в художественных текстах); лингвистический анализ (применен для определения маркеров иронического смысла на различных уровнях художественного текста: лексическом, грамматическом, синтаксическом); лингвопрагматический анализ (использован для выявления прагмасемантического потенциала иронического текста).

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые реализован лингвопрагматический подход к анализу и интерпретации иронии в художественных текстах И. Губермана; описаны и классифицированы лексические и лингвопрагматические средства, необходимые для маркирования иронии в художественном тексте.

Практическая значимость работы обусловлена тем, что результаты, полученные в ходе анализа средств выражения иронии в творчестве И. Губермана, могут быть использованы для дальнейших исследований художественных текстов, а также могут служить материалом для изучения в вузе на практических занятиях или семинарах.

Апробация исследования. Материалы бакалаврской работы были представлены в виде научных докладов на конференциях: научно-практическая конференция «Студенческие Дни науки ТГУ» (апрель 2020),

всероссийская студенческая научно-практическая междисциплинарная конференция «Молодежь. Наука. Общество» (декабрь 2021), научно-практическая конференция «Студенческие Дни науки ТГУ» (апрель 2022); в виде тезисов и статей: Гортова К.А. Языковые средства воплощения иронии в поэзии И. Губермана // «Студенческие Дни науки в ТГУ» : научно-практическая конференция (Тольятти, 13 апреля – 29 мая 2020 года) : сборник студенческих работ / отв. за вып. С.Х. Петерайтис. – Тольятти : Изд-во ТГУ, 2021; Гортова К.А. Лингвистические особенности выражения иронии в творчестве Игоря Губермана // Всероссийская студенческая научно-практическая междисциплинарная конференция «Молодёжь. Наука. Общество», декабрь 2021, Тольятти; Гортова К.А. Иллокутивный потенциал иронических стихотворных высказываний И.Губермана в жанре гариков // «Студенческие Дни науки в ТГУ» : научно-практическая конференция (Тольятти, 4 – 29 апреля 2022 года) : сборник студенческих работ / отв. за вып. С.Х. Петерайтис. – Тольятти : Изд-во ТГУ, 2022.

Материалы бакалаврской работы были апробированы в процессе прохождения педагогической практики в Муниципальном бюджетном общеобразовательном учреждении городского округа Тольятти «Школа №18 имени Ф.М. Колыбова».

Структура выпускной квалификационной работы. Выпускная квалификационная работа состоит из введения, двух глав, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Ирония в художественном тексте: лингвистический аспект

1.1 Ирония как лингвистическая категория. Классификация видов иронии

Как феномен языка и культуры ирония (от греческого εἰρωνεία – «притворство») существовала ещё во времена античности и выражала одновременно философский принцип сомнения и способ обнаружения истины [35]. В переводе с древнегреческого языка «иронизировать» означало «насмехаться», а человека, «обманывающего с помощью слов» называли «ироником». Философ Платон считал иронию инструментом подражателей лжи, однако относил ее к глубоким знаниям с интеллектуально-нравственным смыслом, скрывающимся под маской лжи [27].

Термин за время своего существования не раз переосмысливался, исходя из различных исследований феномена иронии, можно выделить достаточно большое количество определений понятия «ирония». В Большом энциклопедическом словаре ирония описывается как «отрицание или осмеяние, притворно облакаемые в форму согласия или одобрения» [5]. К тому же она рассматривается как стилистическая фигура, а точнее выражение насмешки или лукавства путем иносказания, когда слово или высказывание приобретает смысл, противоположный буквальному или отрицающий его [26].

Подробное и полное определение термина также можно найти в «Словаре лингвистических терминов», где ирония описывается как: «1) притворное восхваление, таящее в себе насмешку; 2) завышение оценки с целью ее занижения; 3) стилистический оборот, построенный на иносказании, скрывающее насмешку, который используется в публицистическом, разговорном, художественном стиле» [19, с. 137].

По мнению О.П. Ермаковой, «ирония на уровне текста находится над другими тропами, периодически опускаясь до их уровня и соединяясь с

ними, образуя сверхтропное единство» [18, с. 180]. Традиционно иронию относят к тропам, однако А.А. Потебня считает, что она «не однородна с тропами и может вовсе обходиться образа» [36, с. 271]. В то же время исследователь признает возможную вероятность появления тропа внутри иронии, т.е. она может заключать в себе троп и становиться аллегорией, метафорой, метонимией. Потебня выделил особенность распознавания иронии читателем, который осознает ее наличие не по форме выражения, не по значению, которое вытекает из его формы, а из возникающего чувства, сопровождающего это значение [36].

Данное видение феномена можно рассматривать как правильное, поскольку зачастую ирония определяется на основе внутреннего чувства и интуиции, а не на текстовых и языковых параметрах. Вследствие этого ирония, совмещаясь с ядовитой насмешкой или скрытым глумлением, может являться способом убеждения, доказательства или опровержения. Кроме того, являясь формой эмоционального, оценочного и критического освоения действительности, ирония также зависит от творческой позиции самого автора и его мировоззрения [40].

В последние годы интерес к коммуникативному аспекту иронии значительно возрос – в связи с развитием лингвистических наук феномен иронии активно изучается с точки зрения прагматики. Новый подход к трактовке иронии подразумевает целенаправленное использование языковых средств не только для передачи смысла, но и для трансляции определенных социальных отношений, определяемых набором прагматических функций [48].

Как писал Ю.Д. Апресян: «Язык, как известно, в высокой степени антропоцентричен. Громадная часть его словаря посвящена человеку – его внутреннему миру, восприятию внешнего мира, физической и интеллектуальной деятельности, его целям, отношениям с другими людьми, общению с ними, оценкам событий, положений и обстоятельств» [1, с. 436].

Активно исследуется восприятие иронии адресатом: изучаются мыслительные процессы, связанные с распознаванием и формированием иронии, а также отражение в языке и речи иронического отношения к действительности [21]. Стоит отметить, что важную роль в восприятии иронии играет «речевая интенция автора – намерение совершить действие с помощью языка – речи, т.е. осуществить речевое действие в коммуникативной деятельности» [38, с. 8].

В иронических текстах интенция является базовой категорией, благодаря которой автор может задумать текст и затем создать его, а адресат может понять текст и отреагировать тем или иным образом [25].

Как отмечает А.С. Баханович, «прагматический аспект использования иронии заключается в том, что с ее помощью автор получает возможность выразить свое критически насмешливое отношение к описываемым объектам или событиям, включая широкий диапазон эмоциональных оттенков: от притворного восхищения, легкой насмешки – до злой издевки, шутки, намека, возмущения, презрения» [4, с. 15]. Все попытки классифицировать разнообразие проявлений иронии не привели к единой общепризнанной классификации, так как каждый из исследователей сталкивается с явлениями, которые не вписываются в рамки основной классификации. По словам А.Н. Баранова, «стратегия навязывания языковому материалу жесткой логической схемы противоречит самому духу современной лингвистики. Языковые феномены настолько сложны, что описание их с помощью заранее заданных фиксированных противопоставлений существенно огрубляет наши знания об исследуемом феномене» [3, с. 25].

Ирония не относится к какому-либо определенному уровню языковой системы из-за чего довольно трудно определить языковые средства, служащие показателем иронии в высказывании.

Исходя из многочисленных исследований, выделим два типа иронии в художественном тексте: лингвостилистическую и текстово-ассоциативную. Если лингвостилистическая ирония заключена в слове, то текстово-

ассоциативная ирония выходит за рамки слов и словосочетаний и непосредственно связана с прагматическим аспектом лингвистики.

В зависимости от условий реализации тексто-ассоциативная ирония в свою очередь делится на ситуативную и ассоциативную [37]. Ситуативная ирония – это тип иронии с яркой эмоциональной окраской, она осознается адресатом мгновенно. Контраст между буквальным значением высказывания и ситуативным контекстом создает иронический смысл, противоположный прямому.

Данный тип иронии реализуется в различных контекстах. С помощью лексических и стилистических средств можно создать простой контекст, который будет состоять из двух элементов, неразрывно связанных между собой. Например, изложение ситуации и отношение персонажа или автора к этой ситуации, то есть комментирование. Важно отметить, что оба элемента структуры всегда контактируют между собой.

С.И. Походня отмечает: «Ситуативная ирония помогает создавать в художественном произведении яркие и моментальные для осознания иронические ситуации. Контекст, содержащий данный тип иронии, может состоять из нескольких предложений или не выходить за рамки абзаца» [37, с. 12].

Ассоциативная ирония является более сложным типом иронии по способу и условиям ее реализации – «это тонкий, скрытый тип иронии» [37, с. 12]. Ж.Е. Фомичева подчеркивает: «Ирония, основывающаяся на отношении субъекта, в отличие от других категорий комического не обладает собственным предметом, а способна избирать любой предмет и явление» [45, с. 7].

Ассоциативная ирония задействует средства разных языковых уровней и раскрывается на протяжении всего текста. К тому же, она служит средством создания образов в произведении и выражением характеристики персонажей, а также мировоззрения автора. В плане создания целостной

системы произведения роль ассоциативной иронии значительно превышает роль ситуативной иронии [37].

С.И. Походня пишет: «Оба типа задействуют средства разных языковых уровней, и для их реализации требуется разный контекст. Ситуативная ирония осознается читателем мгновенно и обычно не выходит за рамки абзаца, в то время как ассоциативная развивается постепенно, поэтому, как правило, для ее понимания требуется мегаконтекст, т.е. все произведение» [37, с. 16].

Таким образом, различные определения термина ирония сводятся к тому, что, как писала Ю. Каменская, ирония может выступать и как «способ выражения более общей категории комического» [22, с. 7], и как «эстетическая категория, вид эмоционально-ценностного отношения автора к тем или иным явлениям действительности, отображения мировосприятия писателя в тексте художественного произведения» [22, с. 7]. В первом случае она трактуется как стилистический прием (троп, лингвистическая категория), а во втором обладает статусом категории сознания.

1.2 Иронический пафос литературных произведений И. Губермана

Эмиграция четвертой волны на данный исторический момент остается малоизученным явлением. Одна из причин – малая хронологическая дистанция, которой недостаточно для того, чтобы рассмотреть явление в целом и обнаружить тенденции развития. Задачей лингвистики сейчас является изучение языковых особенностей современных эмигрантов и создание их речевых портретов [11].

Среди разнообразия современной поэзии отчетливо выделяется творчество Игоря Губермана, русского поэта и прозаика, получившего известность благодаря своим «гарикам» – афористичным и сатирическим четверостишиям.

Свой творческий путь Губерман начал очень необычно: в 1979 году будущий писатель был арестован за смелые высказывания в адрес представителей власти и приговорён к пяти годам лишения свободы. В исправительно-трудовом лагере он и начал свою будущую карьеру поэта. Первоначально Губерман просто вел дневники, а затем на базе этих дневников в 1988 была опубликована книга «Прогулки вокруг барака». В этот же год Губерман эмигрировал из СССР в столицу Израиля – Иерусалим, где написал бóльшую часть своих знаменитых «гариков» и издал несколько книг («Искусство стареть», «Гарики на каждый день», «Иерусалимские дневники» и др.).

В творчестве Губермана воплотились многие особенности речи, свойственные писателям и поэтам четвертой волны эмиграции. Одной из них является метафора, которая позволяет поэту дать образное осмысление того, что его волнует и тревожит, выразить свои эмоции: «*жар пустых мечтаний*», «*зола былых очарований*», «*осенняя глушь разговора*», «*Школа убивает вкус к учебе...*», «*Я в рабстве у животных был воспитан...*» и др. [15]. К слову, использование метафоры в произведениях очень популярно у поэтов и писателей четвертой волны.

Наиболее резкой особенностью речи эмигрантов четвертой волны является широкое употребление иноязычных заимствованных слов, которые вовлекаются в область русской грамматики. Происходит это путем соединения основ заимствованных слов с русскими словообразовательными аффиксами, вследствие чего появляются слова-гибриды (*slice* – *слайсик*, *sich melden* – *замельдоваться*, *bebe* – *бебешка*, *charmant* – шармантность) [50]. И. Губерман в своих «гариках» тоже иногда использует заимствованные слова: «...возводили мы сами стены / наших тесных и гиблых *гетто*» [15]; «Очень много во мне *плебейства*, / я ругаюсь нехорошо...» [15].

Еще одним излюбленным стихотворным приёмом Губермана является сравнение, которое автор обычно использует для выражения иронии:

«...А повсюду стоят, как большие гробы, / Типовые проекты удачной судьбы» [15]; «Я стал нелеп, как бюст без дамы...» [15].

Всевозможные эпитеты в стихотворениях поэта отражают его отношение к России: «Россия извелась, пока давала / *грядущим* поколениям людей / урок *монументального* провала / *искусственно внедряемых* идей» [15].

Достаточно распространенное явление в поэзии русского зарубежья четвертой волны – литературный интертекст, представляющий собой частично измененные цитаты из поэтических текстов русских поэтов. Русские поэтические образы еще в поэзии первой волны стали знаками духовной связи с родиной. Например, в следующем стихотворении Губермана можно найти сходство со строками из стихотворения И.А. Бродского «Зимним вечером в Ялте» («Остановись, мгновенье! Ты не столь / прекрасно, сколько ты неповторимо» [7, с. 291]): «Теперь я понимаю очень ясно, / и чувствую, и вижу очень зримо: / неважно, что мгновение прекрасно, / а важно, что оно неповторимо» [14].

И. Губерман создает целый раздел «гариков», в которых поднимает еврейского национального характера. Прибегая к метким фразеологизмам, поэт характеризует еврейский народ и показывает его самобытность: «*свинью другому подложить*», «*мутит воду*», «*сует повсюду нос*», «*невинная овечка*» и др. [47].

Яркую эмоциональную окраску стихотворениям Губерман придает, используя лексический повтор. Поэт специально делает акцент на слове *своё*, чтобы передать абсурдность ситуации: «Мне повезло: я знал страну, / Единственную в мире, / *В своем* же собственном плену / *В своей* живущую квартире» [15].

Народно-разговорная стихия родного языка помогает И. Губерману оказать эмоциональное воздействие на читателя, поэт активно использует просторечия (*ревнитель, оплошно*), разговорные грамматические

конструкции («...какое счастье, что луна / от *человеков* не зависит!» [15]), звуковую игру (*нешибкого пошиба*) и даже бранные слова.

Внешне смешное в поэзии Губермана содержит в себе глубокое осмысление противоречивости бытия. Контекстуальные антонимы *свободен – поводок* помогают отразить иронический взгляд автора: «Любой мираж душе угоден, / Любой иллюзии глоток... / Мой пес гордится, что *свободен*, / Держа в зубах свой *поводок*» [15].

Таким образом, в поэзии И. Губермана воплотились такие языковые особенности четвертой волны, как литературный интертекст, заимствованные слова, народно-разговорная лексика, всевозможные метафоры, сравнения и т.д. Произведения поэта ярко иллюстрируют отношение эмигрантов четвертой волны к родине и российскому государственному устройству, а также являются примером того, какие изменения претерпевает русский язык в современном мире.

1.3 Изобразительно-выразительные средства создания иронического подтекста в сборнике И. Губермана «Иерусалимские гарики» (тропы и фигуры)

Наблюдение над языком поэтических произведений И. Губермана показало обращение автора к приему иронии, который является практически ключевым в его творчестве. К этому приему прибегали многие русские поэты и писатели: И.А. Крылов, А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, Ф.И. Тютчев, Н.А. Некрасов, В.В. Маяковский и др. В настоящее время проблема изучения иронии очень актуальна благодаря специфике мировоззрения современной эпохи. В современной лингвистике ирония рассматривается в двух аспектах: как стилистическая фигура и коммуникативное средство.

Ирония тесно связана с метафорой, сравнением и аллегорией, поскольку тоже подразумевает несколько значений: одно – фактическое, другое – скрытое. Средства, с помощью которых можно выразить иронию,

делятся на два типа: логико-семантические, к которым относятся вводные конструкции, авторский комментарий, повтор, прием абсурда и др., а также лексико-семантические, включающие в себя игру слов, контраст, антифразис, различные тропы (сравнение, метафора, гипербола и др.) [49].

Языковой анализ двух первых частей сборника И. Губермана «Иерусалимские гарики» (написанный в эмиграции в Израиле) позволил выявить следующие языковые средства выражения иронии.

При помощи антитезы (семантического контраста) автор усиливает выразительность стиха путем столкновения в одном контексте разностилевых лексем, например: *смертный одр* (кн.) – *развязка* (разг): «Когда идет пора / крушения структур / в любое время / всюду при *развязках* / у *смертного одра* / империй и культур / стоят евреи / в *траурных повязках*» [15].

Контраст книжной и разговорной лексики создает лирическое противопоставление: «В те трудные дни был открыт / мне *силы* и *света источник*, / когда я почувствовал *стыд* / и выпрямил свой *позвоночник*» [15].

Книжным словам *обнажилось, изнемогая, скитания, праотцы, монолит* И. Губерман противопоставляет разговорные *усушка, утруска, нешибкий пошиб, галдящий, прохиндей, грязь*.

Особенно сильно прием антитезы проявляется относительно двух народов – русского и еврейского, автор сопоставляет судьбы двух народов: «*Россию* покидают *иудеи*, / что очень своевременно и честно, / чтоб собственной закваски *прохиндей* / заполнили оставшееся место» [15].

В стихотворениях, связанных с родиной и с Израилем, Губерман часто использует лексеммы, указывающие на близкую духовную связь – *Россия, русский, российский, еврей, еврейский*: «...двух родин великих мы блудные дети: / *еврейской* земли и *российской* культуры» [15].

С помощью контекстных антонимов (когда сталкиваются в одном контексте прямо противоположные понятия) раскрывается глубина и трагизм двух народов: *история* – *период*, *безмолвствует* – *зловонствует*.

И. Губерман прибегает к однокорневым антонимам (*важно – неважно*), разнокорневым: *свет – тьма*, «Пронизано русское лето / миазмами русской зимы...» [15].

Аллюзия зачастую выражающаяся у Губермана в виде перифраза, подразумевающего под собой литературный диалог с писателями и поэтами из прошлого: «...Еврей! Как много в этом звуке / для сердца русского слилось!» (А.С. Пушкин «Евгений Онегин»); «... и толпятся удрученные вожди / у гигантского *разбитого корыта*» (А.С. Пушкин «Сказка о рыбаке и рыбке»); «Мне вновь напомнила *мимоза* / своей прозрачной *желтизной*...» (М.А. Булгаков «Мастер и Маргарита»); «... я герой, но не нашего времени, / а какого – уже не пойму» (М.Ю. Лермонтов «Герой нашего времени»); «Вдовцы *Ахматовой* и вдовы *Мандельштама* – / бесчисленны...» [15].

И. Губерман делает отсылки к древнегреческой мифологии: «...то плетется мой *Пегас* по пятам...»; «Моя малейшая затея / душе врага всегда была / свежа, как печень *Прометейя* / глазам *летающего орла*» [15].

Как средство выразительности аллюзия позволяет провести определенные ассоциации, задуманные автором, для более глубокого осмысления текста: «Россия извелась, пока давала / грядущим поколениям людей / урок монументального провала / искусственно внедряемых идей» [15].

Губерман проводит параллель с коммунистическим строем общества, намекая на ошибки в задумках *искусственно внедряемых идей*, а также для личной оценки данного явления. Вообще относительно России, а особенно 90-х годов, у поэта достаточно много оценочных суждений: «*Лихие русские года* / плели узор искусной пряжи...» [15].

Эпитеты лежат в основе лирического переживания. Чувство лирического героя произведений И. Губерман настолько выразительно, что проявляется в словесной инструментовке стихотворения, а точнее в проявлении эпитетов: «На почве, удобренной злобой *бесплодной*, / увял даже

речи таинственный мускул: / великий, могучий, правдивый, свободный / стал постным, унылым, холодным и тусклым» [15].

С помощью художественного определения автор дает характеристику российской суровой действительности: «Злая смута у России впереди...»; «...подлинная русская свобода / будет обозначена погромом»; «Хоть сотрись даже след от обломков / дикой власти, где харя на рыле...»; «...и с истовой честью служили / несправедливой грязной державе» [15].

Для описания России Губерман выбирает художественные определения, придающие словам яркую эмоциональную окраску: «Забавно, что томит меня и мучает / нехватка в нашей жизни эмигрантской / отравного, зловонного, могучего / дыхания империи гигантской» [15].

Разочарование и тоску испытывает лирический герой, рассуждая о России, что передается через эпитеты: «Не верю в разум коллективный / с его соборной головой: / в ней правит бал дурак активный / или мерзавец волевой» [15].

Лексемы *дурак* и *мерзавец* относятся к эмоционально-экспрессивной лексике, открыто передают настроение автора.

Лексический повтор анафорического характера служит усилением иронического восприятия и оценки мира: «...его цитат бенгальский пламень, / его идей узор чугунный, / его судеб могильный камень»; «Не зря тонули мы в крови, / не зря мы жили так убого...»; «Здесь мое исконное пространство, / здесь я гармоничен, как нигде, / здесь еврей, оставив чужестранство...»; «...евреи вдруг соображают, / что обрусели так успешно, / что их евреи раздражают»; «За всё в России я обязан – / за дух, за свет, за вкус беды...» [15].

Однако не только русскому народу трудно живется: «Еврею не резвиться на Руси / и воду не толочь в российской ступе; / тот волос, на котором он висит, / у русского народа – волос в супе» [15].

С помощью повтора слова *волос* поэт подчеркивает, что у евреев и русских проблема одни и те же – для обоих народов *волос* создает опасность для жизни.

Высокочастотна в речи поэта лексема *Россия*, которая занимает ключевую позицию в художественном пространстве автора. Тема России усилена ироническими определениями *казенная*: «В *России* сейчас от угла до угла / бормочет *Россия казенная* / про то, что *Россию* спасти бы могла / *Россия*, оплошно *казенная*» [15].

Художественное определение *казенная*, выступающее в роли лексемы, необходимо для уточнения – по его мнению, всё в России, и даже сама Россия, принадлежит не народу, а государству.

И. Губерман с горечью обращается к российской власти: «В *России* жил я, как трава, / и меж такими же другими, / сполна имея все *права* / без *права* пользоваться ими» [15].

Автор специально интонационно выделяет лексему *право*, чтобы донести свою мысль – простой народ в России должен сполна пользоваться своими правами.

Сравнение как средство выразительности речи в поэзии И. Губермана несет в себе глубокий смысл. Сравнение оформляется с помощью союза как: «В *России* жил я, как *трава...*»; «...я стал нелеп, как *бюст без дамы*»; «*Был, как оборок, переезд...*»; «...молчу, как *фаршированная рыба*»; «...а повсюду стоят, как *большие гробы...*»; «...дни мелькают, как *пятки фортуны...*»; «*свежа, как печень Прометей...*»; формой творительного падежа имени существительного: «Устроил с ясным умыслом *Всевышний* / в нас родственное *сходство со скотом...*»; ср. также: «*Российскую власть обещенной / мы видим и сильно потоптанной, / теперь уже страшно, что женичиной / она будет мерзкой и опытной*» [15].

Активно используются разговорные слова, придающие стихотворениям экспрессивность: *скитается, вразброд, усушка, утруска, нешибкого пошиба, галдящих, жид, сгину, мельтеша, сортир, утихомириться, корчами* и др.

Также И. Губерман прибегает к использованию вульгаризмов и бранных слов: «Хоть сотрись даже след от обломков / дикой власти, где *харя* на *рыле...*»; «Не верю в разум коллективный / с его соборной головой: / в ней правит бал *дурак* активный / или *мерзавец* волевой» [15].

Архаизмы необходимы для создания колорита эпохи и погружения читателя в мир прошлого: *смута, вожди, изнемога, вериги, истовой, праотцы, покуда, ибо* и др. Кроме того, архаизмы используются для создания высоко стиля речи: «*Едва* утихомирится *разбой*, / *немедля* разгорается острее / *извечный* спор *славян* между собой – / откуда среди них и кто еврей» [15].

Оксюморон придает описываемым образам метафоричность и высмеивает недостатки определенных предметов или явлений: «...есть у *рабства прелести свои* / и *свои восторги сладострастья*»; «...еврей в целях подлого коварства / Россию *окружают изнутри*»; «...когда вдруг рухнули *святыни* / и обнажилось их *уродство*»; «...российского духа *живую пыльцу...*»; «...*двух родин* великих мы блудные дети...»; «*Велик* и *мелок* мой *народец...*» [15].

Используя оксюморон, И. Губерман достигает иронического и одновременно комического эффекта, выделяя особенности русского народа: «В автобусе, не слыша языка, / я чую земляка наверняка: / лишь русское еврейское *дыхание* / *похмельное* струит *благоухание*» [15].

Олицетворение в стихотворениях И. Губермана усиливает наглядность изображаемого, способствует раскрытию глубины авторской задумки: «...где *идея* вывихнула разум / и, залившись кровью, *умерла*»; «...изнутри *наблюдает душа*, не скрывая обидной *усмешки*»; «*Лихие* русские *года* / *плели* узор искусной пряжи, / где подо льдом текла *вода* / и *мертвым* льдом была *она же*»; «...дни мелькают, как пятки *фортуны*, / а с утра *она дышит* мне в спину» [15].

С помощью олицетворения отражается эмоциональное состояние автора: «*Вырвал корни* я из почвы, / и *они* по ней *болят*» – экспрессия

направлена на ироничное к себе отношение, ведь мужчины не могут проявлять слабость, они лишь сдержанно терпят боль.

Метафора открывает читателю новые образы: «...я в *рабстве у животных* был воспитан, / поэтому я Маугли во многом» [15], под *рабством* в данном случае подразумевается российская система власти, а *животные* – это правительство.

Стихотворения И. Губермана о России часто проникнуты грустной иронией, выражающейся в виде метафоричных образов: «У того, кто *родился в тюрьме...*» – смысловой доминантой стихотворения является ключевое слово *тюрьма* – так поэт называет свою родину. Мотив обречённости проходит через всё творчество Губермана: «...и теперь я *свой русский крест / по еврейской несу земле*» [15].

Вопреки своей ненависти к российской власти, русский народ И. Губерман будет любить всегда, несмотря на все дерзкие и колкие слова в его адрес: «Я снял с себя *русские вериги, / в еврейской я теперь сижу парилке, / но даже возвратясь к народу Книги, / по-прежнему люблю народ Бутылки*» [15].

Синонимы, воплощающиеся в стихотворениях Губермана в виде лексем, выражают оценку обозначаемого: «...за то, что нагло был *бельмом / в глазу всевидящего ока*» [15]. Также часто встречаются контекстные синонимы: «...подлинная *русская свобода / будет обозначена погромом*» (*свобода – погром*); «Когда вдруг рухнули *святыни / и обнажилось их уродство...*» (*святыни – уродство*); «Был, как *обморок, переезд, / но душа отошла в тепле, / и теперь я свой русский крест / по еврейской несу земле*» (*обморок – переезд; тепло – еврейская земля*).

Градация в поэзии Губермана создает эффект нагнетания, обреченности: «Злая смута у России впереди: / всё *разъято, исковеркано, разрыто...*»; «Еврейского разума имя и суть – / *бродяга, беглец и изгой...*» [15].

Восходящая градация как языковое средство усиливает эмоционально-экспрессивное значение слов, в результате чего создается нарастание производимого автором впечатления: «Забавно, что томит меня и мучает / нехватка в нашей жизни эмигрантской / *отравного, зловонного, могучего* / дыхания империи гигантской» [15].

Если лексические средства достаточно устойчиво применяются в качестве средств воплощения иронического мировосприятия и его художественного отражения, то звуковая игра является сложным языковым средством передачи иронии (аллитерация). Позволим себе увидеть в звуковых совпадениях некий прием, поддерживающий иронический взгляд на мир: «В автобусе, не слыша языка, / я чую земляка наверняка: / лишь русское еврейское дыхание / похмельное струит благоухание» [15]. Аллитерирующий звукоряд, выстроенный повторением глухих согласных *х* и гласных *у*, логично вписывается в описание процесса дыхания и создает комический эффект.

В результате частого употребления шипящего мягкого согласного *ч* появляются ассоциации с ночными философскими раздумьями, умиротворением и спокойствием: «Не в том печаль, что век не вечен, – / об этом лучше помолчим, / а в том, что дух наш изувечен / и что уже неизлечим» [15].

Фразеологизмы отражают авторское отношение к российским реалиям, придают языку разговорно-пренебрежительный эффект (я плевал, клал на..., держать в чистоте): «Забавно мы все-таки жили: / свой *дух в чистоте содержали...*»; «...я не плевал в портрет вождя, / поскольку клал на всю систему» [15].

Гротеск является наиболее сильным языковым средством отражения иронии, к его использованию в своих произведениях часто прибегал Н.В. Гоголь. За счет своей абсурдности и комичности гротеск создает ощущение чего фантастического, за гранью разумного (Адольф – Ульянов):

«...народных упований жрец и лидер / *Адольф Виссарионович Ульянов*»;
«...вот как может *воробей* / *изнасиловать слониху*» [15].

Инверсия способствует акцентированию внимания, которые наиболее выразительны в звуковом отношении, передают ироническое звучание слова: «Российскую власть обещенной / *мы видим* и сильно потоптанной, / теперь уже страшно, что *женщиной* / она будет мерзкой и опытной» [15]. Так, слова *мы видим* стоят во второй строфе, хотя логично было бы поставить их в начало первой строфы, также как и слово *женщиной* по логике должно стоять в конце четвертой строфы.

Параллелизм как средство языка способствует сопоставлению двух явлений путем параллельного изображения и выявления их сходств или различий, что придает стихотворению языковую выразительность: «...все *рыбы* – где *глубже*, все *люди* – где *лучше*, / *евреи* – где *лучше* и *глубже*» [15]. В данном случае также есть прием лексического повтора (*все, где*).

Таким образом, анализ языковых средств, используемых поэтом, позволяет рассматривать иронические произведения И. Губермана, как тексты, в которых отразилось ироническое восприятие поэтом России, Родины. Сложное переплетение личного и политического приводит насмешке сквозь слезы расставания и отторжения прошлой жизни в России, надежды на обретение счастья на чужбине.

Глава 2 Лингвопрагматические особенности иронических высказываний в лирике И. Губермана

2.1 Ирония как средство речевого воздействия на адресата

Иронический текст заключает в себе некую «остраненность», которую адресату надо разгадать. Гарика И. Губермана часто становились частью оформления лестничной клетки учебно-лабораторного корпуса Гуманитарно-педагогического института Тольяттинского государственного университета. Студенты по пути на занятия могли прочитать, например, такое: «В наш век искусственного меха / и нефтью пахнувшей икры / нет ничего дороже смеха, / любви, печали и игры» [14].

Читатель понимает, что не случайно противопоставлены «искусственный мех» и «смех»: это антитеза ненастоящего и естественного, антиприродного и природного. Но серьезный текст несет в себе назидательность. И. Губерман окрашивает строки ироничной улыбкой, указывая на важность понимания языковой игры. Почему именно эти строки выбраны студенческим комитетом для «общения на лестнице» не трудно догадаться: именно молодежь живет в пространстве любовных бурь и печалей, не забывая о правилах игры. Звонкий смех постоянно сопровождает студенческие группы. Но есть и обратный, реверсный путь читательской мысли: мех ненастоящий, искра ненастоящая, а смех естественный? Или это часть жизненной игры? Возникает многосмысловое пространство текста. И смех над природными катаклизмами – печальный.

«Речь следует понимать в самом широком смысле, как всякое высказывание, предполагающее говорящего и слушающего и намерение первого определенным образом воздействовать на второго» [6, с. 276].

Н.И. Формановская отмечает: «Понятие адресата самоочевидно. Это тот, кому направлено речевое произведение, кто провоцирует общение (речевое или текстовое)... Коммуникативно-прагматический подход к

языку/речи заставил существенно расширить рамки этого понятия» [46, с. 77].

Вернемся к истории вопроса: лишь к 50-м годам XX века Р.О. Якобсон делает первый шаг к разграничению целей говорящего и слушающего. Он подчеркивает: «Две точки зрения – кодирующего и декодирующего, или, другими словами, роль отправителя и роль получателя сообщений должны быть совершенно отчетливо разграничены. Разумеется, это утверждение – банальность; однако именно о банальностях часто забывают. А между тем оба участника акта речевой коммуникации подходят к тексту совершенно по-разному» [51, с. 23].

Как писал В.А. Звегинцев, «одним из самых существенных факторов, оказывающих прямое влияние на построение текста, является то, что данная интерпретация осуществляется не только для самого говорящего (ему самому это необходимо для осмысления события), но и с обязательным учетом адресата. Совершенно очевидно, что об одном и том же событии мы по-разному рассказываем различным собеседникам» [20, с. 51].

По мнению Б.М. Гаспарова, «коммуникативное пространство, в совокупности и взаимодействии всех своих аспектов, образует целостную коммуникативную среду, в которую говорящие как бы погружаются в процессе коммуникативной деятельности» [10, с. 225].

Каждое произведение в определенной степени ориентировано на адресата [35].

Согласно одной из классификаций, адресат может быть реальным и гипотетическим; обобщенным прогнозируемым; массовым, публичным; персональным, единичным, конкретным [46].

Рассмотрим данную классификацию более подробно и приведем несколько примеров из иронических произведений И. Губермана:

1. Реальный и гипотетический адресат присутствует в тех случаях, когда обращаются к божеству или высшим силам, «разговаривают» с природой и вещами, «беседуют» с домашними животными или же

обращаются к самому себе [46]: «Во мне то булькает кипение, / то прямо в порох брызжет искра; / *пошли мне, Господи, терпение*, / но только очень, очень быстро» [15]!

Используя обращение *Господи* автор просит Бога: «пошли мне, Господи, терпение». Однако в данном случае адресат не дает ответной реакции, он слишком далеко, он гипотетический. Ирония автора в том и выражается, что он просит послать «терпение» того, кто не делает это быстро, а лирический герой требует, чтобы было «очень быстро». Автор смеется над собой, сочетая низкий стиль речи («*булькает терпенье*» и высокий («*пошли мне, Господи*»).

2. Адресат может быть обобщенным прогнозируемым, т.е. автор художественного произведения может прогнозировать адресата. В качестве адресата могут выступать мужчины, женщины, дети, русский народ и т.п. [46]. Например: «Любую можно кашу мировую / затеять с *молодежью горлопанской*, / которая Вторую мировую / уже немного путает с Троянской» [14].

В данном случае автор с печальным осуждением говорит о молодежи, явно намекая на её необразованность («...*Вторую мировую / уже немного путает с Троянской*»). Но именно ей, молодежи» он и адресует эти строки. Стоит отметить, что он делает это не напрямую, а опосредованно. Прилагательное *горлопанской*, относящееся к разговорно-сниженной лексике, напрямую указывает на негативное отношение автора к адресату, если это молодой читатель. Таким образом он уходит от назидательности. Другой прогнозируемый адресат – старшее поколение, те, кто помнит «Вторую мировую», и те, кто образован настолько, что знает и о Троянской войне. Кроме того, интенция автора связана с речевой тактикой предупреждения: не знающие уроков истории могут затеять новую «мировую кашу».

И. Губерман с помощью образного представления вторичной действительности воздействует на адресата эмоционально и интеллектуально.

По мнению Н.И. Формановской, «для создания любого текста необходим получатель, независимо от того, будет ли текст воспринят сиюминутно и непосредственно или между автором и читателем проляжет значительное время и расстояние» [46, с. 78].

3. Массовый, публичный адресат, как правило, более ощутимо выделяется в тексте, поэтому и ориентация текста более конкретна. В данном случае адресатом может являться учебная аудитория, студенческая группа, слушатели на собрании, митинге, жильцы дома и т.д. [46]: «Когда сидишь в *собраниях шумных*, / язык пылает и горит; / но люди делятся на умных / и тех, кто много говорит» [14].

Можно ли посчитать такого адресата массовым? Глагол второго лица «сидишь» имеет в данном случае двойную направленность: лирический герой делится своими наблюдениями и это «ты» – о нем. Но выбор местоимения мне случаен – это обобщение: «ты» – любой, кто это видел, это все, кто на собрании либо молчит, либо «много говорит».

В данном случае Губерман, используя прием контраста, противопоставляет «умных» и «тех, кто много говорит». Косвенно обращаясь к слушателям на собрании, он предупреждает их, что не все люди «умные» и говорят правильные вещи и не всех людей стоит слушать.

Одна из читательниц И. Губермана справедливо отмечает: «Встречала его дивные двуступища: умные, забавные, парадоксальные, емкие, иногда невероятно смешные, часто с очевидным философским подтекстом, еще чаще – с неочевидным» [24].

4. Персональный, единичный, конкретный адресат определяется множеством показателей коммуникативной ситуации, социальных ролей и эмоциональных состояний партнеров. В качестве адресата здесь могут выступать знакомые и незнакомые люди, в официальной или неофициальной

обстановке, в теплых, дружеский или холодных, натянутых отношениях и т.д. [46]. Например: «*Звоните поздней ночью мне, друзья, / не бойтесь помешать и разбудить; / кошмарно близок час, когда нельзя / и некуда нам будет позвонить*» [14].

С одной стороны, мы можем здесь говорить о прогнозируемом адресате – это те, кто дружески настроен. С другой стороны, это некая социальная группа. Но слово «друзья» погружено в конкретную коммуникативную ситуацию. Например, в романе «Евгений Онегин» А.С. Пушкина тоже есть похожий адресат – «друзья Людмилы и Руслана». То есть читатели, увлеченные творчеством поэта. В этом случае – это широкая социальная группа. У И. Губермана все выведено на личную орбиту – только близкие друзья могут позвонить поздно ночью.

Явным показателем коммуникативной ситуации является обращение *друзья*, а также сам контекст произведения подразумевает дружественную теплую атмосферу, это обращение к близким людям («...*не бойтесь помешать и разбудить...*»).

Перед нами директивный речевой акт: автор призывает адресата звонить ночью (глагол повелительного наклонения «звоните»), но ограничивает это действие обращением «друзья». Первая часть наполнена иронией (разве можно звонить и будить поздней ночью?), но вторая часть переворачивает иронический пафос на лирическое признание, связанное с философским осмыслением жизни: близок час смерти. Ирония и «антиирония».

Н.Д. Арутюнова пишет: «В нормальной речевой обстановке параметры говорящего и адресата должны быть между собой согласованы, ср. учитель и ученик, начальник и подчиненный, муж и жена, отец, и сын, или в уравновешенных ситуациях – друзья, соседи, спутники, коллеги...» [2, с. 358].

Также К.А. Долинин отмечает: «Участники общения всегда выступают в глазах друг друга (и в своих собственных глазах) как носители некоторых

социально значимых свойств, как обладатели определенных статусов – социальных, половых, возрастных, образовательных и др.» [17, с. 10].

В связи с адресованностью речи встает вопрос и о косвенном (или вторичном) адресате. В межличностном общении косвенный адресат также играет большую роль. Во-первых, может быть такая ситуация, в которой присутствие посторонних нежелательно, и их выводят из позиции слушающего («Не надо при посторонних»; «Тише»; «Не говори так громко»; «Это не для чужих ушей») [46]. Пример из художественного текста И. Губермана: «*Живи и пой. Спешить не надо. / Природный тонок механизм: / любое зло – своим же ядом / свой отравляет организм*» [14].

В данном примере автор обращается не только к прямому адресату, но и к косвенному, под которым понимается «зло». И если прямого адресата Губерман просит «жить и петь», то косвенному намекает, что, совершая зло – он «отравляет» не только других, но и самого себя.

Таким образом, можно сделать вывод, что адресат выступает как своеобразный соавтор текста, а каждое произведение в определенной степени ориентировано на адресата. Автор художественного произведения интуитивно чувствует своего потенциального читателя. Вне фактора адресата нет произведения. И. Губерман часто не просто напрямую обращается к кому-либо, он несколькими штрихами в своих лиро-сатирических миниатюрах создает образы адресатов: это и близкие друзья; и те, кто носит в себе зло; и те, кто «на собраниях шумных» много говорит; и те, кто «горлопанит», заваривая «кашу мировую», не зная прошлого своей страны в силу возраста.

2.2 Лингвопрагматический анализ иронических гариков И. Губермана

Понятие и термин прагматика (от греч. корня со значением «дело», «действие», «польза») были введены американским ученым Чарльзом

Моррисом в конце 30-х годов XX века и обозначали отношения между знаками и говорящим [31]. В настоящее время прагматика представляет собой часть общей семиотики и философии и включает в себя такую сферу, как лингвистическая прагматика. Эта сфера знаний сформировалась в связи с появлением теории речевых актов в 60-70-х годах XX века [32].

Как отмечает В.Г. Гак, «прагматика касается как интерпретации высказываний, так и выбора их формы в конкретных условиях» [9, с. 360]. Данное определение содержит две точки зрения на прагматический аспект – позицию автора (выбор формы) и позицию читателя (интерпретация).

Речевое поведение является совокупностью речевых поступков, привычных действий выбора говорящим грамматических и текстуальных речевых сигналов [29]. Речь коммуникатора – это ценный источник информации о нем, так как является неотъемлемой частью характера и самым широким образом определяет личность [42].

Л.Н. Селиверстова пишет: «В каждой минимальной синтаксической конструкции содержатся лингвистические единицы, выбираемые автором текста в силу сложившихся речевых предпочтений. Количественный анализ этих предпочтений дает возможность судить об индивидуально-личностных качествах человека, т.к. речевые предпочтения отражают его уникальный речевой опыт, речевое поведение» [39, с. 33].

Также Г.Г. Матвеева отмечает, что «виды речевого поведения в прагмалингвистике называются речевыми стратегиями скрытого воздействия автора на получателя сообщения» [30, с. 128].

Для проведения прагмалингвистического анализа текстов И. Губермана обратимся к следующим трем стратегиям: 1) Участия или неучастия коммуникантов в речевом событии; 2) Формирования у адресата отношения к речевому событию путем оценивания; 3) Удовлетворения или неудовлетворения говорящим прагматических ожиданий адресата.

Первая речевая стратегия «участия или неучастия коммуникантов в речевом событии» реализуется в тексте в одном из трех речевых планов:

1) личного, при котором в высказывании представлен один из коммуникантов – отправитель или получатель («Я вижу эту ситуацию...»);
2) социального, когда в речевом поступке задействованы оба коммуниканта одновременно – отправитель и получатель («Мы видим эту ситуацию...»);
3) предметного, при котором в речевом акте не задействован ни один из участников – ни отправитель, ни получатель («Эта ситуация рассматривается...», «На эту ситуацию можно посмотреть...») [39].

Для проведения лингвопрагматического анализа возьмем следующий текст: «Да, *порочен* дух *моей* любви, / но не в силах прошлое *проклясть* я, / есть у *рабства* прелести свои / и свои восторги сладострастья» [15].

В данном тексте выделяются речевые сигналы личного плана, отражающие участие в речевом событии только отправителя: личное местоимение *я* и притяжательное местоимение *моей*, актуализирующие самодостаточность говорящего. Благодаря этим сигналам произведения Губермана находят отклик у читателей: «Прочитала рассуждение, сделала паузу, мысленно ответила и дальше читаю...» [24].

Говорящий несет в своей речи определенные цели, мотивы, выражает эмоции, интенции, отношения, а также ожидание реакции адресата [44]. Как отмечает Л.Н. Селиверстова, «стратегия формирования у адресата отношения к речевому событию путем оценивания реализуется в тексте путем формирования автором положительного, отрицательного или нейтрального отношения адресата к речевому событию» [39, с. 36].

В данном тексте И. Губерман для выражения своей мысли использует краткое прилагательное *порочен*, глагол *проклясть* и существительное *рабство*, тем самым актуализируя формирование отрицательного отношения адресата к речевому событию. Данное предпочтение Губермана свидетельствует о присутствии у автора пессимизма.

Удовлетворение или неудовлетворение говорящим прагматических ожиданий адресата зависит от того, на какого именно адресата он ориентируется, а также насколько считает его информированным и

заинтересованным в теме общения. По мнению Л.Н. Селиверстовой, «к актуализаторам речевой стратегии удовлетворения/неудовлетворения автором текста прагматических ожиданий получателя относят степень свернутости/развернутости элементов высказывания, а также объем излагаемого материала и внутритекстовых единиц» [39, с. 38].

Также Т. Ван Дейк отмечает: «Для того чтобы слушающий – как и вообще любой деятель – мог успешно выполнить некоторое действие, он должен располагать достаточной информацией о начальном состоянии того мира, в котором он действует...» [8, с. 293].

В данном примере притяжательное местоимение *свои* сигнализирует о недостаточности информации, приведенной автором, так как нельзя понять, о каких именно «рабства прелестях» и «восторгах сладострастия» идет речь, автор умалчивает эти подробности. Говорящий дозирует информацию и использует, на его взгляд, оптимальное для данных адресатов количество способов удержания внимания.

В следующем примере речевые сигналы личного плана отражают участие в речевом событии отправителя и получателя одновременно: «Весело на русский карнавал / было бы явиться *нам* сейчас: / *те*, кто нас душил и убивал, / пишут, что они простили нас» [15].

Косвенные местоимения *нам* и *нас* делают получателя сопричастным с речевым событием. Местоимение *нам* означает – явиться мне и вам, а местоимение *нас* – душили и убивали меня и вас, вместе.

Используя глаголы *душил* и *убивал* автор формирует отрицательное отношение адресата к речевому событию, а иронический подтекст усиливает этот эффект.

Указательное местоимение *те* и последующее за ним уточнение в виде простого предложения *кто нас душил и убивал* следует рассматривать как речевой сигнал достаточной информации. Автор использует оптимальное, но не избыточное количество способов удержания внимания получателей текста, не конкретизируя.

Если в первых двух примерах в речевом событии присутствовали участники, то в следующем примере участники отсутствуют: «В *кромешных* ситуациях *любых*, / *запутанных*, *тревожных* и *горячих*, / спокойная уверенность *слепых* / *кошмарнее* растерянности зрячих» [14].

В данном случае отсутствуют речевые сигналы, указывающие на присутствие каких-либо коммуникантов, автор констатирует факт. Говорящий заостряет внимание адресата на объективности содержания и на том, что речевое высказывание не зависит ни от воли получателя, ни от воли отправителя сообщения.

Прилагательные *кромешных*, *запутанных*, *тревожных*, *горячих*, *слепых* и наречие *кошмарнее* способствуют формированию отрицательного отношения адресата к речевому событию, т.к. обладают негативной окраской.

Автор приводит достаточное количество информации: прилагательное *любых*, обладающее неопределенной оценочностью, он дополняет приложением: *запутанных*, *тревожных* и *горячих*. Тем самым говорящий конкретизирует речевое событие и способствует привлечению внимания адресата.

Таким образом, проведенный лингвопрагматический анализ позволил выделить особенности речевого поведения И. Губермана и распознать речевые стратегии скрытого воздействия. Автор использует различные глаголы, с помощью которых формирует отношение адресата к речевому событию; прилагательные, позволяющие создать определенный эмоциональный фон произведения; местоимения, в которых отражается авторское отношение. Данные речевые сигналы позволяют понять цели и мотивы, которые И. Губерман несёт в своей речи.

2.3 Иллокутивный потенциал иронических стихотворных высказываний И. Губермана в жанре гариков

В связи с развитием лингвистических наук наметилась тенденция рассматривать иронию с точки зрения коммуникативно-прагматической позиции адресанта с учетом восприятия адресата и в процессе акцентировать внимание на функции иллокуции. Языковеды исследуют семантику иронии в различных дискурсах, в том числе художественном, и пытаются построить модели понимания адресатом имплицитного содержания текста. Для этого исследуются иллокутивные функции иронии, в которых заключена прагматическая нагрузка. Функция иллокуции состоит в трансформации отобранного и расположенного материала в соответствии с целью говорящего, его воздействующей стратегией [21].

В настоящее время существует довольно много различных подходов к пониманию функции иронии с точки зрения лингвопрагматики. Однако, по мнению В.И. Карасика, «различные подходы к изучению языка являются не взаимоисключающими, а взаимодополняющими» [23, с. 287].

Прагмалингвистика рассматривает отношение человека к языковым знакам, зафиксированным в языке и речи, обращает внимание на выбор необходимых единиц для формирования различных высказываний, помогающих говорящему достичь поставленных целей в речевых действиях.

Н.И. Формановская отмечает: «Коммуникативно-прагматический аспект требует внимания как к собственно коммуникативным, так и к прагматическим компонентам языковых/речевых явлений. Коммуникативный – относящийся к общению в целом, прагматический – связанный с говорящим лицом и его адресатом (в их статусных и ролевых отношениях), с ситуацией общения...» [46, с. 24]. Коммуникативный и прагматический аспекты неразрывно связаны между собой.

Теория речевых актов составляет центр прагмалингвистики, а речевой акт представляет собой сложное образование, состоящее из трех

одномоментных фаз: локуции (формирование содержания, обеспечивающегося семантикой языковых единиц), иллокуции (осуществление коммуникативного намерения говорящего) и перлокуции (достижение иллокутивного воздействия на адресата и получение желаемого результата) [41].

Иллокутивному акту свойственна целенаправленность, намерение воздействовать на мысли и чувства адресата, что осуществляется в процессе говорения. Именно иллокутивный акт стал основным объектом исследования теории речевых актов [33].

Как отмечает В.З. Демьянков, «одно из положений теории речевых актов заключается в том, что минимальной единицей коммуникации является не высказывание или предложение, а осуществление определенного вида актов, таких, как констатация, вопрос, приказание, объяснение, описание, благодарность, извинение, поздравление и т.д.» [16, с. 221].

Классификация речевых актов основывается на иллокутивной силе, которой обладает высказывание, и включает в себя следующие классы: 1. Репрезентативы (сообщения, утверждения); 2. Директивы (стремление автора побудить читателя к совершению чего-либо); 3. Комиссивы (обязательства, обещания); 4. Экспрессивы (выражение эмоционального состояния говорящего); 5. Декларативы (объявления, декларации).

Рассмотрим примеры проявления иллокутивной силы речевых актов на материале иронических гариков И. Губермана.

В иронических произведениях И. Губермана явно выделяются репрезентативы: «Я разными страстями был *испытан*, / но главное из посланного Богом – / я в *рабстве у животных* был *воспитан*, / поэтому я Маугли во многом» [15].

Автор сообщает о том, что ощущает в себе нечто рабское, дикое, воспитанное животными страстями. Рабство – это главное жизненное испытание для него. Губерман адресует свое сообщение тем людям, которые находятся в похожем положении, которые чувствуют себя рабами.

Сообщение, будучи принятым адресатом, в определённых случаях может оказаться стимулом к выполнению определенных действий, к началу или завершению какого-либо процесса [43, с. 49]. Конечно, нельзя буквально воспринимать такие поэтические сообщения о себе, художнике слова. Трудно представить себе Губермана, скачущего по деревьям и обнимающегося с волками. А если в переносном смысле? Мир полон животных страстей. Немало и «волчьих» законов, действующих в человеческой жизни. Но Бог дал Маугли то, чего не хватает людям – естественность. И в данном случае самоирония И. Губермана – это не самоуничижение, а легкая насмешка. Об этом свидетельствует троекратно повторенное местоимение «я» в контексте известной сказки Р. Киплинга.

К репрезентативному речевому акту также относятся следующие строки: *«Обманчив женский внешний вид, / поскольку в нежной плоти хрупкой / натура женская таит / единство арфы с мясорубкой»* [14].

В данном случае автор сообщает о неоднозначности женской природы, подчеркивает несоответствия внешнего облика и внутренней составляющей. Адресуя свои строки, скорее, мужской половине, он стремится развенчать устоявшиеся предрассудки общественного сознания и иронично заявляет об «обманчивости женского внешнего вида». Глагол «таит» – из книжной (высокой) лексики. В первой части «гарика» натура женская описана эпитетами «нежная», «хрупкая». Концовка стихотворной миниатюры рассчитана обмануть читательское ожидание: внешность женщины поэт сравнивает с арфой и мясорубкой. Если для употребления слова «арфа» можно по отношению к женщине может быть объяснено синестезией в восприятии (фигура похожа), то слово-образ «мясорубка» выглядит неожиданно. Можно увидеть отсыл к противоречию романтического и житейского. Причем последняя строфа тяготеет к афористичности: при цитации она становится декларативом.

Декларатив проявляется в следующем речевом акте: *«Мужчина должен жить, не суеяться, / а мудрому предавшись разгильдяйству, / чтоб женщина, с работы возвратясь, / спокойно отдыхала по хозяйству»* [15].

В данном примере автор декларирует, заявляет, направляя свое речевое намерение к женской половине. Губерман объявляет женщинам о том, как должны жить мужчины – «мудрому предавшись разгильдяйству». Следует отметить, что ирония здесь выполняет функцию самозащиты. Ироничным ответом Губерман понижает градус деструктивной критики в свой адрес, вербально оправдывает свои действия и отстаивает интересы. Можно сказать, что он защищается от обобщенного упрека в адрес «всего мужского рода».

Также декларатив присутствует в строках: *«Людей давно уже делю / по слову, тону, жесту, взгляду – / на тех, кому я сам налью, / и тех, с кем рядом пить не сяду»* [13]!

Автор категорично заявляет о своих намерениях, говорит о том, что не потерпит рядом с собой определенных людей, чьи взгляды и точка зрения ему чужды. Исходя из контекста, данный речевой акт скорее адресован мужчинам. Стоит отметить, что маскировка истинного отношения позволяет Губерману избежать однозначного толкования своих суждений: с помощью иронического «кода» адресант избегает излишней определенности.

Следующий речевой акт относится к директивам: *«Вовлекаясь во множество дел, / не мечись, как по джунглям ботаник, / не горюй, что не всюду успел, – / может, ты опоздал на «Титаник»* [14].

Губерман призывает, побуждает адресанта прекратить метаться *«как по джунглям ботаник»*, иронично опровергая данную модель поведения. Он соединяет эмоциональную и рациональную оценку, побуждая адресата самостоятельно осознать суть иронической критики и выявить недостатки суеяты. Следует предположить, что свой призыв Губерман адресует людям с повышенной рабочей нагрузкой и активной жизненной позицией.

Призыв содержится и в следующих строках: «Всего слабей усваивают люди, / взаимным обучаясь отношениям, / что слишком залезать в чужие судьбы / *возможно лишь по личным приглашениям*» [13].

Внешне это похоже на декларатив: автор декларирует право каждого на соблюдение личного пространства. Но синонимичным будет «не залезай в чужие судьбы», «залезай в чужие судьбы только по личным приглашениям». Косвенно – директивная позиция.

При помощи косвенного директивного речевого акта автор обращается к каждому человеку и с аккуратностью прибегает к урегулированию разногласий, избегая излишней категоричности и стремясь донести до адресатов свои пожелания и требования. Опуская категоричность (поэтому и косвенный речевой акт), он стремится не допустить морального травмирования адресата и выражает критику имплицитно. Речевой акт является косвенным, т.к. автор прямо не сообщает своего намерения. По мнению А.Ю. Масловой, «понятие косвенного речевого акта основывается на противопоставлении первичного (буквального) и вторичного (коммуникативного) значений языковой формы» [28, с. 62].

В следующем речевом акте явно выделяется комиссив: «Жизни надвигающийся вечер / *я приму без горечи и слез*; / даже со своим народом встречу / я почти спокойно перенес» [13].

Этими строками автор обещает своим читателям, что свою старость, которая в данном примере представлена с помощью метафоры *вечер*, он примет спокойно – «без горечи и слез». Он обращается ко всем своим читателям, а также к русскому народу, явно намекая, что перенести старость для автора равносильно встрече с соотечественниками. Оба процесса вызывают у него схожие эмоции. Косвенно автор обещает своему народу, что «жизни надвигающийся вечер» он переживет, несмотря на то, что живет в другой стране, а встреча с прошлым – всегда драматична.

Также стоит отметить и наличие экспрессивов в произведениях И. Губермана: «*Как молод я был! Как летал я во сне!* / В года эти нету

возврата. / Какие способности спали во мне! / Проснулись и смылись куда-то» [14].

В данном примере автор с восторгом вспоминает, каким он был в молодости, его переполняют эмоции, о чем свидетельствует наличие восклицательных предложений. Губерман гипотетически обращается и к молодому поколению, словно пытается докричаться – не теряйте времени, пока молоды, вы способны на многое! Однако кроме восторга в данных строках присутствует и тоска: «*В года эти нету возврата...*» – автор с грустью и обреченностью понимает, что его время уже прошло, а способности «*смылись куда-то*». Активно используется разговорная лексика: слова «нету», «смылись», которая в данном случае, добавляет экспрессы и придает высказыванию доверительность.

Таким образом, гарики И. Губермана, несмотря на их иронический подтекст, содержат в себе глубокий скрытый смысл. Автор стремится донести до читателей свои мысли, желания и переживания и при этом сделать это в иронической форме. Разнообразие интенций, речевых тактик, использования е иронии, лаконичность и афористичность стихов делают поэтические сообщения мобильными и интересными для восприятия. В них отражается авторская картина мира, которая не случайно находит отклик у разных групп адресата: автор умело управляет стихотворной коммуникативной деятельностью.

Заключение

Проведенное исследование теоретического материала по проблеме бакалаврской работы показало, что ирония – достаточно обширное и глубокое понятие, которое нельзя отнести к определенной языковой категории. Ирония может быть как категорией мировоззренческой, обладающей статусом категории сознания, так и контекстуальной, когда будет трактоваться как стилистический прием – троп, лингвистическая категория. Другими словами, ирония в художественном произведении может являться и изобразительно-выразительным средством языка (тропом), и стилистической фигурой, и средством речевого воздействия. Новый лингвопрагматический подход к трактовке иронии раскрывает ее с другой стороны – ирония предстает не только как средство для передачи смысла, но и как способ трансляции социальных отношений.

Важную роль в создании иронического высказывания играет фактор адресата, т.е. получателя сообщения. Для каждого произведения необходим свой адресат, который сможет «декодировать» направленное к нему речевое высказывание. Без адресата не может быть и произведения. Также ключевое значение в восприятии иронического высказывания имеет речевая интенция автора, от которой зависит успешность высказывания и дальнейшая реакция адресата.

В практической части данного исследования были проанализированы две первые части сборника И. Губермана «Иерусалимские гарики». Рассмотрению подверглись 200 стихотворений поэта на различные темы. Ведущей выступает тема Родины, которая раскрывается путем контрастного сопоставления и иронического осмысления происходящих событий. В поэтических текстах отношение к прошлой жизни в России раскрывается с помощью богатых изобразительно-выразительных средств.

Автор своё ироническое мировидение воплощает с помощью языковых средств, которые были определены методом сплошной выборки: антитеза (16

примеров); аллюзия (14 примеров); эпитеты (11 примеров); лексический повтор (9 примеров); сравнение (9 примеров); разговорные слова (9 примеров); архаизмы (8 примеров); оксюморон (7 примеров); олицетворение (5 примеров); метафора (4 примера); синонимы (4 примера); градация (3 примера); аллитерация (2 примера); фразеологизм (2 примера); гротеск (2 примера); инверсия (1 пример); параллелизм (1 пример).

В то же время проведенное нами исследование позволило выделить несколько типов адресатов, присутствующих в иронических гариках И. Губермана: реальный и гипотетический адресат («Пошли мне, Господи, терпение...»); обобщенный прогнозируемый («Любую можно кашу мировую / затеять с молодежью горлопанской...»); массовый, публичный («Когда сидишь в собраниях шумных, / язык пылает и горит...»); персональный, единичный, конкретный («Звоните поздней ночью мне, друзья...»).

С помощью прагмалингвистического анализа удалось выделить речевые сигналы И. Губермана, отражающие особенности интенции автора, его цели и мотивы, а также степень участия адресата в речевом событии. К ним относятся: личные местоимения (я), притяжательные местоимения (моей, свои), косвенные местоимения (нам, нас), указательные местоимения (те), прилагательные (крошечных, запутанных, тревожных, горячих, слепых), краткие прилагательные (порочен), глаголы (проклясть, душил, убивал), существительные (рабство), наречия (кошмарнее), приложения («Запутанных, тревожных и горячих...»), а также уточнения в виде простых предложений («Кто нас душил и убивал...»).

Особое внимание нами было уделено иллюкутивному потенциалу иронических стихотворных высказываний И. Губермана в жанре гариков.

Мы выявили, что в иронических произведениях И. Губермана часто выделяются репрезентативы («Я разными страстями был испытан...», «Обманчив женский внешний вид...»), декларативы («Мужчина должен жить, не суетясь...», «Людей давно уже делю / по слову, тону, жесту, взгляду...»), директивы («Вовлекаясь во множество дел, / не мечись, как по джунглям

ботаник...»), «...что слишком залезать в чужие судьбы / возможно лишь по личным приглашениям»), комиссивы («Жизни надвигающийся вечер / я приму без горечи и слез...»), экспрессивы («Как молод я был! Как летал я во сне!»).

Таким образом, ирония в произведениях И. Губермана воплощается с помощью различных лексических и лингвопрагматических средств, анализ которых позволяет рассматривать произведения И. Губермана, как текст, в котором отразилось ироническое восприятие действительности. Мир поэта контрастен, в нем сочетается любовь и боль, разлука и тоска по Родине. Иронический тип общения для Губермана – наиболее подходящее средство решения коммуникативных задач. Автор обращается к иронии, чтобы извлечь выгоду из неоднозначности трактовки. При помощи иронии он не только избегает банальных суждений, но и демонстрирует гибкость мышления, а также сокращает коммуникативную дистанцию между адресантом и адресатом.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды: интегральное описание языка и системная лексикография. Т. 2. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 710 с.
2. Арутюнова Н.Д. Фактор адресата / Н. Д.Арутюнова // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1981. Т. 40, № 4. С. 356-367.
3. Баранов А.Н. Семантика фразеологизмов: иерархия или сеть? / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский // Материалы международной конференции «Диалог-2010». Москва, С. 25-29.
4. Баханович А.С. Лингвопрагматический потенциал иронии в белорусском и англоязычном дискурсе // Вестник МГЛУ. Сер. 1, Филология. Минск : МГЛУ, 2021. № 2 (111). С. 14-22.
5. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Большая Российская энциклопедия ; Санкт-Петербург : Норинт, 2001. – 1456 с. URL: <http://alcala.ru/entsiklopedicheskij-slovar/bolshoj-entsiklopedicheskij-slovar.shtml> (дата обращения: 15.12.2021)
6. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М. 1974. 448 с.
7. Бродский И. Сочинения Иосифа Бродского. Том II. СПб.: Пушкинский фонд, 2001. 440 с.
8. Ван Дейк Т. Вопросы прагматики текста // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1978. Вып. 8. Лингвистика текста. С. 259-336.
9. Гак В.Г. Прагматика // Русский язык : энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Большая рос. энцикл. : Дрофа, 1997. 703 с.
10. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: «Новое литературное обозрение», 1996. 352 с.
11. Говорухина Ю.А. Фантомная самоидентичность эмигрантов четвертой волны (по материалам публицистики журналов «Литературный

европеец» и «Мосты») / Ю.А. Говорухина // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016. № 4 (42). С. 114-123.

12. Гомлешко Б.А. Прагматические функции иронии в тексте / Б.А. Гомлешко // Вестн. Адыг. гос. ун-та. 2008. Вып. 3 (31). С. 11-13.

13. Губерман И. Закатные гарики; Пожилые записки / И.М. Губерман. Минск : МЕТ, 1999. 415 с. URL: https://thelib.ru/books/guberman_igor/zakatnye_gariki_sbornik-read.html (дата обращения: 23.01.2022)

14. Губерман И. Гарики на каждый день / И. Губерман. Минск: Мет, 1999. 400 с. URL: <http://lib.ru/GUBERMAN/gariki1.txt> (дата обращения 25.01.2022)

15. Губерман И. Иерусалимские гарики: стихи / И.М. Губерман; худож. А. Окунь. Москва : Политекст, 1994. 320 с. URL: <https://libking.ru/books/poetry-/poetry/126777-4-igor-guberman-ierusalimskie-gariki.html#book> (дата обращения: 7.02.2020).

16. Демьянков В.З. «Теория речевых актов» в контексте современной зарубежной лингвистической литературы (обзор направлений) // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. М., 1986. С. 223-235.

17. Долинин К.А. Интерпретация текста : Фр. яз. / К.А. Долинин. М. : Просвещение, 1985. 288 с.

18. Ермакова О.С. Ирония среди тропов // Язык в движении: к 70-летию Л.П. Крысина / отв. ред. Е.А. Земская, М.Л. Каленчук. М.: Языки славянских культур, 2007. С. 172-180.

19. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. с. 486.

20. Звегинцев В.А. О цельнооформленности единиц текста / В.А. Звегинцев // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. 1980. Т. 39. №1. С. 13-21.

21. Земчихина Л.С. Ирония: к проблеме определения // Наука и школа. 2018. С. 1-7.
22. Каменская Ю. Ирония как компонент идиостиля А.П. Чехова : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2001. С. 74.
23. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
24. Книжный рекомендательный сервис LiveLib. URL: <https://www.livelib.ru/?ysclid=l48fow9c31278173911> (дата обращения: 18.03.2022)
25. Колесова Д.В. Интенция как базовая категория текстовой деятельности / Д.В. Колесова // Мир русского слова. 2009. № 3. с. 28-31.
26. Литературно-художественный портал «Имба-Читальня» // Энциклопедия поэзии. URL: <http://www.chitalnya.ru/encyclopedia/i/ironiya.php> (дата обращения 15.12.2021)
27. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ, Платон / А.Ф. Лосев. М., Искусство, 1969. 715 с.
28. Маслова А.Ю. Введение в прагмалингвистику. М.: Флинта, 2014. 149 с.
29. Матвеева Г.Г., Бутусова А.В., Ломова О.Е. и др./ под ред. Матвеевой Г.Г. Теория и практика анализа текста в аспекте скрытой прагмалингвистики: Монография. Ростов н/Д: ИУБиП, 2007. 196 с.
30. Матвеева Г.Г., Ленец А.В., Петрова Е.И. Основы прагмалингвистики: монография. М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. – 232 с.
31. Моррис Ч.У. Основания теории знаков / Ч.У. Моррис // Семиотика / сост. и ред. Ю.С. Степанов. М., 1983. С. 37–89.
32. Норман Б.Ю. Лингвистическая прагматика (на материале русского и других славянских языков) : курс лекций / Б. Ю. Норман. Минск, 2009. 183 с.
33. Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. М., 1986. С. 22-130.

34. Пивоев В.М. Ирония как феномен культуры. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2000. –106 с.
35. Полонский А.В. Категориальная и функциональная сущность адресатности / А.В. Полонский. М. : Рус. двор, 1999. 253 с.
36. Потебня А.А. Теоретическая поэтика / А.А. Потебня. М.: Высшая школа, 1990. 344 с.
37. Походня С.И. Языковые средства и виды реализации иронии. Киев, 1989. С.126.
38. Савельева Е.П. Номинации речевых интенций в русском языке и их семантико-прагматическое истолкование : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Ин-т русского языка им. А.С. Пушкина. Москва, 1991. 21 с.
39. Селиверстова Л.Н. Прагмалингвистический анализ текстов российских медиакритиков. / Филологические науки. Научные доклады высшей школы. Международный научный журнал. 2017. № 1. С. 32-41.
40. Сергиенко А. Языковые возможности реализации иронии как разновидности импликации в художественных текстах : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1995. С. 11.
41. Серль Дж. Р. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XVII. Теория речевых актов. М. 1986.
42. Сопер П.Л. Основы искусства речи. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. 448 с.
43. Сусов И.П. Лингвистическая прагматика. М.: «Восток – Запад», 2006. 323 с.
44. Сухих С.А. Языковая личность в диалоге // Личностные аспекты языкового общения. Калинин, 1989. С. 82-91
45. Фомичева Ж.Е. Интертекстуальность как средство воплощения иронии в современном английском языке : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.04. Санкт-Петербург, 1992. 20 с.

46. Формановская Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. М. Рус. яз., 2002. 216 с.

47. Шаронова С.Г. Художественное своеобразие поэзии И. Губермана (на материале сборника «Первый иерусалимский дневник»). Саранск, 2017. С. 9-15.

48. Шилихина К.М. Дискурсивная практика иронии: когнитивный, семантический и прагматический аспекты: автореф. дис. ... д-ра. филол. наук: 10.02.19. Воронеж, 2014. 399 с.

49. Шумкова Т.Л. Ирония в русской литературе первой половины XIX века в свете традиций немецкого романтизма: Монография. 3-е изд. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гуманитар. ун-та, 2009. 370 с.

50. Язык русского зарубежья : Общие процессы и речевые портреты. Коллективная монография / Отв. ред. Е.А. Земская. М. ; Вена : Языки славянской культуры : Венский славистический альманах, 2001. 456 с.

51. Якобсон Р. Избранные работы. М., 1985. 460 с.

Приложение А

Сценарий проведенного тематического внеклассного мероприятия

1. Тема внеклассного мероприятия: «Тема Родины в произведениях поэтов-эмигрантов».

2. Задачи внеклассного мероприятия: 1) Пробудить интерес к чтению; 2) Сформировать навыки выразительного чтения; 3) Учить определять тему, основную мысль текста; 4) Способствовать развитию речи учащихся.

3. Планируемые результаты (УУД): 1) предметные: знать основных поэтов русской эмиграции; уметь читать поэтические произведения с выражением; расширить и углубить знания в области литературы; уметь определять тему, основную мысль текста; 2) метапредметные: контролировать и оценивать свою деятельность; адекватно воспринимать на слух тексты, владеть приёмами аудирования; оценивать чужую речь; высказывать и обосновывать свою точку зрения; 3) личностные: стремиться к личностному самоопределению; осознавать необходимость владения русским языком для учебной деятельности; анализировать себя как слушателя; стремиться к речевому совершенствованию.

4. Оборудование: шляпа, карточки со стихотворениями.

5. План внеклассного мероприятия:

- Оргмомент – 3 мин.
- Постановка целей и задач мероприятия – 1 мин.
- Этапы внеклассного мероприятия – 35 мин.
- Подведение итогов и награждение победителей – 1 мин.

6. Ход внеклассного мероприятия:

Продолжение Приложения А

Элементы внеклассного мероприятия	Деятельность учителя	Деятельность учащихся
Оргмомент – 3 мин.	Представление темы мероприятия: – Здравствуйте, ребята, сегодня у нас будет необычное внеклассное мероприятие, оно будет посвящено русским поэтам-эмигрантам.	Приветствуют учителя, записывают тему.
Постановка целей и задач мероприятия – 1 мин.	Цель: познакомиться с творчеством поэтов-эмигрантов. Задачи: сформировать навыки выразительного чтения, способствовать развитию речи учащихся.	Вместе с учителем формулируют цель мероприятия.
Этапы внеклассного мероприятия – 35 мин.	1. – Знаете, ли вы кто такие эмигранты? (Люди, уехавшие жить в другую страну) – Каких поэтов или писателей, эмигрировавших из России, вы знаете? (Отвечают по желанию) 2. Теоретическая часть мероприятия: <i>Огромным и значительным явлением для мировой истории стала русская эмиграция XX века. Разумеется, до этого момента данное явление эмиграции также было известно, и даже были случаи, когда люди массово уезжали за границу. Например, после Великой Французской революции. В России политическая миграция также существовала достаточно давно, еще со времен князя Курбского. В 1917 году положение русских людей за границей претерпело кардинальные изменения: между Россией и странами зарубежья, как западными, так и</i>	1. Отвечают на вопросы учителя. 2. Внимательно слушают теоретическую часть, задают вопросы, конспектируют в тетради. 3. Вытягивают листочки, читают про себя. 4. Озвучивают свои ответы на вопрос учителя. 5. Читают стихотворения с выражением у доски.

Продолжение Приложения А

	<p><i>восточными, появился непреодолимый барьер. После Октябрьской революции 1917 г. впервые массово, в огромных количествах, Россию начали покидать люди. В литературе данный период получил название «изгнание», практически все действующие писатели того времени оказались за рубежом.</i></p> <p>2. – Это был небольшой исторический экскурс, теперь давайте познакомимся с творчеством некоторых поэтов.</p> <p>– У меня в руках шляпа, в которой лежат листочки со стихотворениями поэтов-эмигрантов. Вам нужно будет по очереди взять по одному листочку и прочитать с выражением всему классу. Каждый получит небольшой подарок за свои старания.</p> <p>3. Вытягивают листочки, читают несколько раз про себя.</p> <p>4. – Итак, вы прочитали свои стихотворения. Догадались, на какую они тему? (На тему Родины)</p> <p>5. По очереди выходят к доске и читают с выражением.</p>	
<p>Подведение итогов и награждение победителей – 1 мин.</p>	<p>– Какие вы все молодцы! За то, что так выразительно и красиво прочитали, я подарю вам небольшие вкусные подарки.</p>	<p>Получают подарки, делятся впечатлениями друг с другом.</p>